

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

**ОСИНОЕ
ГНЕЗДО**

«Из здешних богачей можно выжимать
большие деньги. Надо только подумать как...»

Дж. Х. Чейз

Детективное агентство Парнэлла

Джеймс Чейз

Осиное гнездо

«Азбука-Аттикус»

1979

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Осиное гнездо / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1979 — (Детективное агентство Парнэлла)

ISBN 978-5-389-20152-1

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». Сотруднику агентства Барту Андерсону предстоит банальная работа: слежка за женой богатого писателя. Но дело оказывается куда более запутанным: вскоре Барт понимает, что, сам того не желая, разворошил осиное гнездо...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20152-1

© Чейз Д. Х., 1979
© Азбука-Аттикус, 1979

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеймс Хэдли Чейз

Осиное гнездо

James Hadley Chase

A CAN OF WORMS

Copyright © Hervey Raymond, 1979

All rights reserved

© А. В. Крышан, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Глава первая

Детективное агентство Парнелла располагалось на верхнем этаже высотки «Трумэн-билдинг», что на Парадиз-авеню. Основателем и главой агентства был полковник Виктор Парнелл, и на всем Атлантическом побережье страны оно по праву считалось вне конкуренции среди подобных заведений.

Парнелл поступил весьма дальновидно, когда, уволившись из армии, открыл агентство в Парадиз-Сити, облюбованном миллиардерами. Клиентами агентства были исключительно богатеи, а таковых в Парадиз-Сити обитало на порядок больше, чем в любом другом городе Соединенных Штатов Америки.

Сам родом из Техаса, Парнелл унаследовал от отца нажитое на нефти приличное состояние, достаточное для того, чтобы открыть агентство и обставить его в роскошном стиле, который должен был привлечь обитателей Парадиз-Сити. Под началом Парнелла трудились двадцать детективов, десять машинисток, бухгалтер Чарльз Эдвардс и личный секретарь главы агентства Гленда Керри.

Двадцать детективов, все в прошлом полицейские либо военные, работали в паре. Каждая пара занимала отдельный кабинет и, за исключением нештатных ситуаций, о делах коллег по агентству представления не имела. Такой уклад предотвращал утечку информации в СМИ. В случае же утечки оба работавших по делу детектива мгновенно получали отставку. Такое, правда, случилось лишь однажды.

Моим напарником был Чик Барли. Как и я, Чик во время войны во Вьетнаме служил в действующей армии лейтенантом военной полиции под началом Парнелла. Сейчас нам обоим было по тридцать восемь, и оба мы оставались неженатыми. За три года работы в агентстве мы с Чиком заслужили репутацию лучшей пары детективов Парнелла.

Разводы, проблемы родителей и детей, разоблачение шантажистов и вымогателей или мошенничества в отелях, слежка за мужьями и женами – агентство бралось за любые дела, за исключением убийств, и всегда работало в тесном контакте с полицией Парадиз-Сити. Едва кто-либо из наших оперативников в процессе расследования сталкивался с уголовщиной, полковник Парнелл тотчас докладывал об этом шефу полиции Терреллу, мы уходили в тень, а дальше за дело бралась уже полиция. Действуя так, агентство никому не перебежало дорогу, сохраняя, однако, за собой право защищать интересы клиента до последнего – пока у Парнелла не оставалось сомнений в том, что данный случай в компетенции полиции и никого другого.

В то ясное летнее утро мы с Чиком сидели каждый за своим столом и временно бездельничали: мы только что закрыли дело, связанное с kleптоманией, и ждали нового задания. Закинув ноги на стол, Чик листал порнографический журнал. Мой напарник был высок и крепко сбит, с волосами песочного цвета и приплюснутым «боксерским» носом. Время от времени Чик издавал долгий низкий свист, означавший, что он наткнулся на снимок потрясенной девицы.

Сидя напротив него, я производил кое-какие расчеты, черкая в блокноте и приходя к неизбежному выводу: еще до конца месяца, когда нам выплачивали жалованье, я вновь останусь в минусе. Деньги у меня почему-то никогда не задерживались. Раз в неделю, за день до выплаты, мне приходилось клянчить в долг, а едва получив зарплату – возвращать то, что занимал, и вновь оставаться на мели. И ведь не сказать, чтоб платили мне мало. Жалованье в агентстве Парнелла было на порядок выше, чем в других детективных агентствах. Деньги просто непостижимым образом утекали сквозь пальцы, и все тут.

Я с отвращением оттолкнул в сторону блокнот и с надеждой воззрился на Чика.

– Старичок. – Я изобразил на лице подходящую моменту жалобно-просительную мину. – Как у тебя нынче с капустой?

Чик опустил журнал и вздохнул:

– Барт, пора бы уже завязывать с этой привычкой. Что с тобой творится? Куда ты деваешь деньги?

– Хороший вопрос. Сам бы хотел знать. Они исчезают, едва успев появиться, и будь я проклят, если б знал, как объяснить это.

– Зато я знаю, – с самодовольным видом заявил Чик. – Я ведь как-никак детектив, помнишь? Как только перестанешь таскаться всюду с этой дорогой цыпочкой, как только съедешь со своей шикарной хаты, как только сможешь обходиться тачкой попроще вместо своей обшарпанной «мазерати», которая жрет немерено бензину, как только прекратишь налегать на спиртное, одеваться как кинозвезда – вот тогда и только тогда ты перестанешь у меня занимать.

– Дело говоришь, приятель. Все твои аргументы в точку, – улынулся я. – А как насчет сотни баксов до зарплаты?

– Тебя слушаешь, так можно подумать, что я чертов банкир. Пятьдесят наскребу, ни центом больше. – Чик достал бумажник, вытянул из него пятидесятидолларовую купюру и протянул мне. – Хватит?

– Должно хватить. – Я поднялся, пересек комнату и выхватил из его пальцев банкноту. – Спасибо, Чик. Верну в получку. Слово идеалиста!

– Ну да, до следующего раза. Нет, серьезно, Барт, ты бы завязывал так транжирить деньги. Вряд ли полковнику понравится, если он узнает, что ты каждую третью неделю по уши в долгах.

– Так пусть платит больше.

– А толку? Все равно потратишь и опять влезешь в долги.

– И снова в точку, – вздохнул я. – Ты сегодня с утра прямо кладезь мудрости. – Я шагнул к большому окну и прошелся взглядом по сверкающему под солнцем морю, убегающему на многие мили песчаному пляжу, пальмам и полускрытым пляжными зонтиками распростертым телам.

– Эх, дружище, много бы я дал, чтобы очутиться сейчас рядом с этими сладкими крошками, – вздохнул я. – Мы славно потрудились, только что закрыли дело, верно? Так почему бы полковнику не подарить нам денек отгула в награду за хорошую работу, а? Что ему стоит?

– Сходи спроси у него сам, – буркнул Чик, не отрывая глаз от журнала.

Я закурил сигарету и, зайдя Чики за спину, заглянул ему через плечо. Он перевернул страницу журнала, и мы присвистнули в унисон.

– Как говорится, и святой не устоит, – сказал Чик. – Хотел бы махнуть с этой крошкой на недельку на необитаемый остров?

– С такой можно и на обитаемый.

– Ответ неверный. На необитаемом тебе не придется на нее тратить.

Зажужжал интерком. Чик нажал на клавишу.

– Полковник вызывает Барта, – объявила Гленда Керри и отключила связь. Ни слов, ни времени Гленда понапрасну не тратила.

– Пошло-поехало... – снова вздохнул я. – Опять работа. И что на этот раз?..

– Какая-нибудь старая перечница потеряла собачонку, – вяло обронил Чик и снова углубился в изучение журнала.

Я прошагал по коридору к кабинету Парнелла, постучался и вошел.

Парнелл являл собой гиганта с мясистым загорелым лицом, маленькими пронизательными глазками и тонкогубым ртом. Каждая черточка выдавала в нем закаленного в боях ветерана, и я, всякий раз представляя перед шефом, с трудом сдерживался, чтобы не козырнуть ему.

Полковник сидел за столом. В кресле для посетителей напротив расположился грузный лысеющий мужчина с розовато-белым лицом и косматыми бровями; глаза его прятались за зелеными солнцезащитными очками.

– Барт Андерсон, – представил меня Парнелл. – Барт, это мистер Мел Палмер.

Толстяк с трудом приподнялся из глубокого кресла, чтобы пожать мне руку.

Макушка его лысеющей головы едва доходила мне до плеча. Я почувствовал внимательный, испытующий взгляд скрытых очками глаз.

– Андерсон один из лучших моих детективов, – продолжил Парнелл, когда толстяк вновь утонул в кресле. – Можете положиться на его умение соблюдать строгую конфиденциальность. – Жестом он предложил мне присесть и, когда я устроился в кресле, продолжил: – Агент и менеджер мистера Расса Хэмела. – Полковник сделал паузу, устремив свой фирменный тяжелый взгляд. – Тебе что-нибудь говорит имя Расс Хэмел?

Романов я не читаю, однако о Хэмеле был наслышан. Буквально на прошлой неделе я водил БERTУ на фильм по его роману. Не знаю, как его книги, но фильм паршивый.

– Еще бы, – ответил я с видом интеллектуала. – Продажи его книг в мягких обложках ведут счет на миллионы. На прошлой неделе смотрел фильм по его роману.

Мел Палмер просиял:

– На мой взгляд, мистер Хэмел из той же обоймы, что и Роббинс, и Шелдон...

Теперь мое лицо приняло благоговейное выражение, однако, вовремя заметив, что Парнелл сердито смотрит на меня, я принял обычный вид. Затем он перевел взгляд на Палмера.

– Так как, мистер Палмер, мне вводить Андерсона в курс дела? Вы приняли решение начать расследование?

Палмер поморщился:

– Я-то не хочу никакого расследования, но этого требует мистер Хэмел... Да, приступайте.

Парнелл повернулся ко мне:

– Мистер Хэмел получает анонимные письма о своей жене. Ей двадцать пять, ему сорок девять. Ему начинает казаться, что он совершил ошибку, женившись на такой молодой женщине. Когда он погружен в работу, ему необходимо быть одному. А миссис Хэмел приходится развлекать себя самой. Согласно анонимкам, развлекается она с молодым человеком. Работа Хэмела сейчас на весьма ответственном этапе. – Он взглянул на Палмера. – Я все верно излагаю?

Палмер потер маленькие пухлые ручки:

– Да, необходимо добавить, что заключен контракт на экранизацию романа – на десять миллионов долларов, контракт на издание самого романа в мягкой обложке на миллион долларов плюс, разумеется, права на издание книги в других странах. Мистер Хэмел подписал все эти контракты, и книгу необходимо сдать через четыре месяца.

Я едва сдержался, чтобы не присвистнуть: бог ты мой, одиннадцать миллионов за книжонку! Не тем я занимаюсь!

Парнелл продолжил, обращаясь ко мне:

– Анонимки мешают мистеру Хэмелу сосредоточиться.

– Да он практически перестал писать! – едва не сорвался на крик Палмер. – Я ему говорю: эти письма шлет какой-то маньяк, не стоит обращать на них внимание. Если книга не выйдет в срок, киношники могут подать в суд. – Он всплеснул руками. – Мистер Хэмел же говорит, что не в состоянии продолжить работу над книгой до тех пор, пока не убедится, что в инсинуациях этого больного ни крупинки правды. Он хочет, чтобы за его женой последили.

«Вот скукотища-то, – подумал я. – Опять таскаться за чьей-то женой, часами торчать в машине, когда день за днем ничего не происходит, а потом вдруг что-то случается, но ты уже настолько одуревший от жары и скуки, что теряешь объект слежки». Я терпеть не мог такие задания.

– Не вопрос, – сказал Парнелл. – Для этого мы и существуем, мистер Палмер. Я с вами согласен: разумнее всего было бы мистеру Хэмелу показать эти письма жене, но, по вашим словам, он категорически против?

– Боюсь, что так. Он полагает, что это ее оскорбит. – Палмер беспокойно поерзал в кресле. – В общем, он хочет установить за ней наблюдение и каждую неделю получать от вас отчет.

– Он не доверяет жене?

– У мистера Хэмела был крайне неудачный опыт, вследствие которого он сделался недоверчивым. – Палмер нерешительно помялся, затем продолжил: – Нэнси его вторая жена. Три года назад он женился на женщине, которой тогда было столько же, сколько Нэнси сейчас. Та женщина считала, и, на мой взгляд, справедливо, что муж совсем не уделяет ей внимания. В общем, он застал ее с каким-то молодым плейбоем. В итоге – развод.

– Вы полагаете, она справедливо считала себя обделенной вниманием мужа? – придиричливо спросил Парнелл.

– Видите ли, когда мистер Хэмел пребывает в творческом процессе, он буквально изолирует себя от любых социальных контактов. Даже ланч велит подавать себе в кабинет. Для молодой, только что вышедшей замуж женщины такой порядок может показаться пыткой, вот первая жена и не выдержала...

На столе Парнелла зазвонил телефон. Он снял трубку, хмуро выслушал, проговорил в нее: «Хорошо, через десять минут» – и дал отбой. Поглядев на Палмера, полковник сказал:

– Предлагаю вам пройти к Андерсону и посвятить его в детали: описать внешность миссис Хэмел, рассказать, кто ее друзья, где и как она проводит время днем, если это известно. – Он поднялся. – Ни о чем не беспокойтесь, мистер Палмер. Передайте, пожалуйста, мистеру Хэмелу, что наш отчет будет доставлен ему лично в руки через семь дней. После того, как вы снабдите Андерсона всей информацией, будьте добры зайти к мисс Керри – она познакомит вас с расценками за наши услуги и суммой предварительного гонорара.

Палмер помрачнел:

– Надеюсь, расходы будут не слишком высоки.

На мясистом лице Парнелла появилась ледяная улыбка:

– Уверяю вас, мистеру Хэмелу они по карману.

По длинному коридору я провел Палмера в свой кабинет. Чик проворно скинул ноги со столешницы и сунул порножурнал в ящик стола. Я познакомил Чика с Палмером, они пожали друг другу руки.

Мне безумно хотелось выпить, и я предложил:

– Будьте как дома, мистер Палмер. Не желаете ли скотча?

Я заметил, как буквально осветилось и тотчас погасло лицо Чика, когда Палмер ответил:

– Нет-нет, благодарю! Виски с утра для меня, пожалуй, чересчур. Разве что розовый джин...

– Не приготовишь нам выпить, а? – попросил я Чика.

Пока он наливал виски и розовый джин, я усадил Палмера в кресло для посетителей, а сам занял место за столом.

– Мне хотелось бы ввести в курс дела коллегу, – пояснил я. – Мы работаем вместе.

Палмер кивнул и взял стакан с двойным розовымджином, что протянул ему Чик.

В каждом кабинете имелся бар с напитками, тем не менее подразумевалось, что в рабочее время детективы не пьют – разве что за компанию с клиентами. Поэтому мы просто приобретали скотч на свои кровные и держали бутылки у себя в столах.

Я кратко изложил Чике услышанное от Парнелла.

– В общем, наша задача вести наблюдение за миссис Хэмел, причем она об этом знать не должна... так? – Я посмотрел на Палмера, и тот кивнул. По выражению лица Чика я видел, что перспектива сидеть на хвосте у чьей-то жены его, как и меня, вовсе не радует.

– Опишите, пожалуйста, внешность миссис Хэмел, – попросил я.

– Я могу сделать лучше. Вот ее фотография. – Открыв портфель, он достал глянцевый снимок шесть на десять и протянул мне.

Хороша, подумал я, разглядывая женщину на фото. Темноволосая, большеглазая, прямой нос, полные губы и – судя по тому, как туго натянулась на груди белая блузка, – с аппетитными формами. Я передал фотографию Чикю, и тот едва сдержался, чтобы не присвистнуть.

– Каков ее обычный распорядок дня, мистер Палмер?

– Встает в девять, из дома уходит играть в теннис со своей близкой подругой Пенни Хайби – женой Марка Хайби, адвоката мистера Хэмела. Завтракает, как правило, в «Загородном клубе», после чего развлекается: катается на яхте, либо ловит рыбу, либо встречается с друзьями-приятелями. Так, во всяком случае, она говорит мистеру Хэмелу. – Палмер пожал плечами. – Оснований не верить ей у меня нет, однако мистер Хэмел считает, что именно ее дневные развлечения необходимо проверить. Он не сомневается в том, что Нэнси играет в теннис с миссис Хайби: уж об этом, по его мнению, лгать было бы опасно.

– Эти письма, мистер Палмер...

– Я принес их. – Он снова запустил руку в портфель, выудил два голубых конверта и свою визитку и передал все мне. Затем бросил взгляд на часы. – У меня еще одна встреча. Если вам понадобится дополнительная информация, дайте знать мне: мистера Хэмела беспокоить нельзя.

Палмер поднялся и направился было к двери, но остановился:

– Само собой разумеется, что это щекотливое дело строго конфиденциально.

– Само собой, мистер Палмер, – кивнул я, подкрепив ответ понимающей улыбкой, после чего проводил его до кабинета Гленды. – Мисс Керри расскажет вам о наших условиях.

– Да-да, конечно... – Он снова помрачнел. – Уверен, это пустая трата времени и денег, но мистер Хэмел человек далеко не рядовой. Я должен сделать все, чтобы он вновь вернулся к работе. – Палмер посмотрел на меня сквозь зеленые стекла очков. – Если вам все же удастся узнать о миссис Хэмел что-либо... неблагоприятное – а я уверен, этого не случится, – сообщите мне незамедлительно. В дело вовлечены очень большие деньги.

«Еще бы, десять процентов от одиннадцати миллионов – это не просто большие, это целая уйма денег», – думал я, вводя адвоката в кабинет Гленды. Мне начинало казаться, что Палмер больше тревожится о своем вознаграждении, чем о Хэмеле и его жене.

Гленда сидела за столом. Хоть она и не в моем вкусе, внешность ее, можно сказать, радовала глаз. Высокая, смуглая красотка, в темно-синем платье с белыми воротничком и манжетами, с безукоризненной прической – Гленда выглядела такой, какой на самом деле и была: честолюбивой, целеустремленной и стопроцентно эффективной в работе.

– Мистер Палмер, – пояснил я и, оставив гостя наедине с холодной улыбкой Гленды, ретировался к себе.

Снова закинув ноги на стол, Чик изучал одну из анонимок. Я заметил, что он освежил свой напиток, поэтому, прежде чем усесться, тоже налил себе.

– Ты только послушай. – Чик принялся читать мне вслух: – «Пока вы строчите свои бредовые книжки, ваша похотливая женушка разминается с Уолдо Кармайклом. Рысак всегда обскочит тяжеловоза, тем более – старого». – Чик посмотрел на меня, потянувшись за вторым письмом. – А второе послание просто обхохочешься: «У Кармайкла это получается куда лучше, чем у тебя, и Нэнси от него в восторге. Секс – для молодых, а старикашкам он противопоказан». – Чик уронил письмо на стол. – Обе анонимки подписаны «Ваш не-поклонник». Будь мне столько же, сколько Хэмелу, я б от такого послания забился в угол и заскулил.

Я рассмотрел оба письма. Напечатаны на машинке. На конвертах штампы места отправления – Парадиз-Сити.

Затем я взял в руки фото Нэнси Хэмел и пригляделся.

– Представляю, какие пошлые мыслишки сейчас у тебя на уме, – сказал Чик. – Думаешь небось, что на ее месте любая девица, муж которой пашет с девяти утра до семи вечера и оставляет жену одну-одинешеньку, точно заведет себе кого-нибудь на стороне.

– А ты – нет?

– Я – да. И?..

Я взглянул на часы. Пять минут после полудня.

– Палмер говорит, Нэнси сейчас должна быть в «Загородном клубе». Я как раз успею перекусить и – сразу туда. Побуду там с ней, пока она не поедет домой. А ты, может, попробуешь выяснить, что за тип Уолдо Кармайкл? Раскопай о нем что-нибудь.

По пути к лифту я заглянул к Гленде.

– Приступлю к работе исключительно после плотной трапезы, – сообщил я. – Сколько можно потратить?

– В разумных пределах, – ответила Гленда. – Я заключила с Палмером неплохую сделку.

– Не сомневаюсь. Даже у нас в кабинете был слышен его визг. На какую сумму?

– Спроси у полковника, расскажет, если сочтет нужным. – И она вновь принялась что-то писать.

Все оперативники детективного агентства Парнелла являлись членами «Загородного клуба», «Яхт-клуба», клуба «Казино» и всех перворазрядных ночных заведений. Каждый детектив был обладателем кредитной карты Парнелла, предоставляющей ему право бесплатного заказа еды, напитков – всего, чего душе угодно, – в городских клубах. Это, наверное, стоило Парнеллу кучу денег, но расходы были оправданными, поскольку приносили плоды. К тому же наш бухгалтер, бдительный и неумолимый Чарльз Эдвардс, не пропускал ни единой чрезмерной траты. Кредитная карта служила пропуском в любой клуб, когда того требовала работа.

Я сидел в роскошном вестибюле «Загородного клуба», листал, не читая, журнал «Тайм» и одновременно не упускал из виду входную дверь ресторана, когда появилась Нэнси. Я сразу узнал ее по фотографии, но красotka на снимке меркла в сравнении с этой женщиной во плоти.

На Нэнси была белая футболка и белые шортики, а от вида ее фигуры у меня едва челюсть не отпала. В Парадиз-Сити на каждом шагу встречаешь красоток и соблазнительных женщин, но Нэнси являла собой нечто феноменальное. С ней рядом шагала женщина лет на десять старше, с короткими ножками и широкими бедрами, светленькая и аппетитная, похожая на плюшевую игрушку, – в общем, из тех, кого хочется потискать, если вам нравятся такие... Мне – нет. Пенни Хайби, догадался я. Обе оживленно болтали. Они прошли совсем рядом, и я услышал, как Пенни воскликнула:

– Поверить не могу! В ее-то годы!

Чему она отказывалась верить, осталось для меня загадкой. У выхода подруги попрощались. Пенни засеменила к «кадиллаку», а Нэнси направилась к серо-стальному «феррари».

Едва я успел дойти до служебной машины, как «феррари» тронулся с места.

Я никогда не пользовался своим «мазерати», когда вел слежку. Если б не пробки, я бы не угнался за Нэнси. Ей пришлось ползти, и я, прикрывшись чьим-то «линкольном», проследовал за «феррари» до самой гавани.

Нэнси вышла из машины и направилась вдоль причала с пришвартованными катерами и яхтами. Я тоже оставил машину и отправился следом. Нэнси остановилась у семидесятифутовой моторной яхты, взбежала по трапу на борт и скрылась внизу. Теперь нужно было ждать.

Немного погодя на палубе появился мощный негр и отдал швартовы. Через несколько мгновений моторная яхта, выбравшись из переполненной судами гавани, с ревом устремилась навстречу солнцу и открытому морю. Мне оставалось только смотреть, как она тает вдали.

Невдалеке на кнехте с банкой пива в руке сидел Эл Барни – глаза и уши портового района города. Если угостить его пивком, язык у него развяжется. Нет пива – нет «базара». Я подошел к нему:

– Привет, Барни. Как ты насчет выпить?

Он швырнул пустую банку в море, поддернул штаны на необъятном пузе и расплылся в улыбке – ни дать ни взять приветливая акула, завидевшая плывущий прямо в пасть обед.

– Здравсте, мистер Андерсон. Немного пивка не помешало бы, конечно...

Он поднялся на ноги и целенаправленно зашагал к бару «Нептун». Следом за ним я вошел в темное помещение. В это время заведение пустовало, но бармен Сэм оказался на месте. Завидев меня и Барни, он заулыбался, сверкнув белоснежными зубами.

– Приветствую, мистер Андерсон, – сказал он. – Что будете пить?

– Ему пива, сколько попросит, а мне кока-колу, – заказал я и проследовал за Барни к столику в углу.

– Хорошо сказано, мистер Андерсон, – обрадовался Барни, усаживаясь на деревянной скамье. – Хотите что-то узнать?

Принесли пиво и колу.

– Ты ж понимаешь, работа есть работа... Видел, яхта только что отошла. Что-нибудь знаешь о ней?

Барни медленно и не отрываясь выпил свое пиво и с громким стуком поставил стакан на стол. Сэм тотчас подсутился и наполнил его снова.

– Это яхта Расса Хэмела, – сказал Барни, взявшись за стакан. – Писатель. Говорят, его книжки хорошо продаются. – Он нахмурился и изрек: – Книжки читать – только время терять.

– Точно. На борт девушка поднялась. Его жена?

Маленькие глазки Барни подозрительно уставились на меня.

– Ну да. Жена. Симпатяга. В сто раз лучше, чем первая. Бывшая – та еще стерва. А нынешняя миссис Хэмел милашка. Всегда ручкой мне помашет или поздоровается. Нос не воротит. – Он сделал глоточек, вздохнул и продолжил: – А вам какой интерес?

– Да меня больше интересует тот черный бугай, – солгал я. – Он у нее штатным матросом или как?

– Джош Джонс? – Барни скривился. – Дряннь-человек. Игрок до мозга костей. Вечно без денег. Родную мать за цент продаст, да только кому она нужна. Пашет на Хэмела. Уже два года как. Матрос толковый, вот, пожалуй, и все про него.

– Миссис Хэмел часто катается на яхте?

– Раза четыре в неделю. Хоть какое-то занятие. А то я слышал, одиноко ей.

– А о мистере Хэмеле что ты слышал? Что он за человек?

Барни допил пиво, и Сэм поспешил наполнить его стакан.

– Богатый сноб, – ответил Барни. – Такой же, как и все владельцы этих яхт. Редко его вижу. А когда он собирается выйти в море, напускает на себя такой вид, будто у него весь берег в кармане. Такой вот тип.

Я решил, что выудил у Барни достаточно и пора остановиться, дабы не возбуждать излишних подозрений. Оттолкнув стул, я поднялся.

– Джонс этот местный? – спросил я.

– Ну да. Живет недалеко от порта. – Барни внимательно глянул на меня. – Вляпался во что-то? Неудивительно. У него и раньше были нелады с полицией. Подозревали в контрабанде. Но дело пришить не удалось.

– Когда обычно яхта возвращается? – спросил я, пропустив его вопрос мимо ушей.

– В шесть. Точно, как в аптеке. Часы можно проверять.

– Ладно, бывай, Эл. – Я расплатился с Сэмом и вышел на солнцепек. Ждать оставалось четыре часа, и я поехал обратно в офис.

По возвращении я заглянул к Гленде:

– Полковник занят?

– Заходи. Через двадцать минут он будет свободен.

Когда я вошел к Парнеллу, тот изучал пухлую папку документов.

– Проблема, сэр. – Я сообщил шефу о том, что Нэнси ушла на яхте в море. – Проследить за ней возможности нет. В море она обычно проводит четыре часа – вполне достаточно, чтобы согрешить. Матросом на яхте негр, нуждается в деньгах. Но прежде, чем говорить с ним, я хотел посоветоваться с вами. За деньги он наврет с три короба, а потом шепнет Нэнси, что я интересовался ей.

– Не трогай его, – распорядился Парнелл. – Нам ведь строго указали: Нэнси не должна узнать, что за ней наблюдают. В следующий раз, когда пойдет на яхте в море, последишь за ней с вертолета. Распорядись, чтобы держали его для тебя наготове. Это будет стоить денег, но у Хэмела их куры не клюют.

Я заверил, что именно так и сделаю, и вернулся в свой кабинет. Чика на месте не было. Я позвонил в службу вертолетного такси и переговорил с Ником Харди, мой добрым приятелем. Он пообещал, что будет держать для меня наготове один из своих вертолетов. Оставалось еще достаточно времени, и я набрал номер моей тогдашней подружки Берты. Мы встречались уже почти полгода. Ей по душе были мои деньги, а мне – ее покладистость. Отношения эти трудно было назвать серьезными – о свадьбе никто из нас даже не заикался. С Бертой мне было легко и частенько весело. Работала она в доме моделей – чем-то там занималась, жила в многоэтажке, в квартире-студии с видом на море.

Какая-то девушка ответила мне, что Берта занята с клиентом. Я попросил не беспокоиться и, пообещав перезвонить позже, спустился в вестибюль, где купил в газетном киоске пачку сигарет и «Ньюсуик», после чего сел в машину и отправился в порт. Там я припарковал машину так, чтобы видеть возвращение яхты, и стал ждать.

Когда стрелки моих часов показали 18:00, я увидел входящую в гавань яхту. Через несколько минут Джош Джонс пришвартовался. Нэнси сбежала на причал по сходням и, обернувшись, крикнула:

– Завтра в это же время, Джош!

Помахав матросу на прощанье, Нэнси направилась туда, где оставила машину. Как только «феррари» тронулся с места, я завел мотор и поехал следом.

Гленда сказала, что Хэмел живет в Парадиз-Ларго. Там обитают самые именитые богатеи. Парадиз-Ларго представляет собой перешеек, протянувшийся через морской канал и соединяющий два шоссе: EIA и AIA. У въезда на виадук по дороге к Ларго стоит шлагбаум с электронным управлением и дежурит вооруженная охрана. Никому – подчеркиваю, никому – не разрешен проход или проезд в Ларго без предъявления документов, удостоверяющих личность, а также без объяснения цели визита. На перешейке разместились порядка сорока роскошных особняков и вилл – все они прячутся за двадцатифутовыми цветущими живыми изгородями и двойными дубовыми воротами, утыканными гвоздями.

Я проследовал за машиной Нэнси до виадука и, убедившись, что она едет домой, свернул с шоссе и покотил в агентство. На этот раз Чик оказался на месте: задрал ноги на стол, он наливал себе порцию скотча.

– И мне, – попросил я.

– Из своей. – Чик спрятал бутылку в стол. – Есть подвижки?

– Ничего существенного. – Я сел за стол. – Играла в теннис, завтракала, ездила кататься на крутой яхте. Полковник разрешил завтра последить за яхтой с вертолета. Развлекусь... А что у тебя?

Чик поджал губы:

– Чует мое сердце, нет никакого Уолдо Кармайкла. Никого пока не встретил, кто знал бы его.

Я вытянул из стола свою бутылку, рассмотрел на свет и обнаружил, что виски в ней на один глоточек. Плеснув себе в стакан, я переместил бутылку в мусорную корзину.

– В отелях навел справки?

– Во всех крупных. Завтра займусь теми, что поскромнее. Говорил с Эрни и Уолли. Они его не знают, но обещали поспрашивать.

Эрни Болшоу писал живенькие заметки в разделе светской хроники в «Парадиз-Сити геральд». Уолли Симмондс был сотрудником городского отдела по связям с общественностью. Если уж у них не найдется сведений об Уолдо Кармайкле, то непонятно, где их вообще можно добыть.

– А знаешь, не исключено, что Палмер прав, – предположил я. – Анонимки может слать какой-нибудь псих. Просто чтоб нагадить.

– Может, и так. Письма я отправил в лабораторию. Вдруг что-нибудь нароют.

Я придвинул к себе телефон и, набрав Ника Харди, сообщил, что завтра в полдень мне потребуется вертолет.

Часы показывали без четверти семь. Берта уже должна быть дома. Я стал набирать ее номер, а Чик взялся наводить порядок у себя на столе.

Когда Берта сняла трубку, я проговорил:

– Привет, крошка! Как насчет гамбургера и меня в придачу?

– Это ты, Барт?

– Ну если не я, значит кто-то под меня косит.

– Гамбургеры я не ем. Они мне противопоказаны. Поехали в «Чайку». Я голодная.

– В «Чайку» не получится, крошка. Я поиздержался. Туда мы заглянем в следующем месяце.

– Займи у Чика, – посоветовала Берта. Она знала, что время от времени я перехватываю у напарника деньги. – Умираю с голоду.

– Уже пробовал. Этот жмот дал мне всего пятьдесят баксов.

– Ну, тогда поедем в «Лобстер и краб». За эти деньги там можно хорошо поужинать.

– Выезжаю, милая. А потом что-нибудь придумаем, да? – И я дал отбой.

– Тратишь мои деньги на эту вымогательницу, – возмутился Чик. – В «Чайку» ей захотелось! Тебе лечиться надо.

– Эх, двум смертям не бывать... – парировал я. – «Чайка» отменяется. А сам-то чем вечером занят?

Чик самодовольно ухмыльнулся:

– Ужинаю с Уолли. Он угощает. Я ему наплел, мол, есть интересные фактики, так что мне светит сегодня приятное с полезным. Ладно, пока, лопух!

Чик ушел. Я напечатал рапорт о результатах сегодняшней слежки за Нэнси и бросил его в лоток для исходящих документов. Затем навел порядок на столе и направился к лифту.

Чарльз Эдвардс, занимающийся финансами нашего агентства, вышел из своего кабинета и присоединился ко мне по дороге к лифту. Невысокий ростом, смуглый, средних лет, Чарльз был крут – бескомпромиссный и несговорчивый. Сквозь толстые линзы очков он окатил меня неодобрительным взглядом.

– О, на ловца и зверь... – воскликнул я, нажимая кнопку вызова. – Дружище, одолжи пятьдесят долларов. А из моей следующей полочки вычти их. Нештатная ситуация.

– Вечно ты аванс клянчишь, – проворчал Эдвардс, входя в лифт. – Полковник этого не одобрит.

– А мы ему не скажем. Ну же, дружище, ты же не оставишь мою старенькую мать без джина, верно?

Пока лифт опускался, Эдвардс вынул из бумажника и протянул мне банкноту:

– Удержу из твоей следующей полочки, Андерсон, запомни.

– Вот спасибо так спасибо! – Я выхватил деньги. – Случись у тебя нештатная ситуация, тоже выручу.

Двери лифта расплзлись в стороны, и Эдвардс, коротко кивнув мне, вышел. Я нажал кнопку подвального гаража, забрался в «мазерати», запустил двигатель, отозвавшийся басовитым ревом, и влился в плотный поток спешащих домой.

Берта все-таки уговорила меня отвезти ее в «Чайку». Она обладала особым даром уболтать любого простофилю и сделать так, как хочется ей. Помяните мое слово, когда она отдаст богу душу, она уговорит, чтобы ее выпустили из гроба.

Как только мы уселись за столик, я заказал два очень сухих мартини, откинулся на спинку стула и внимательно взглянул на Берту. Чудо как хороша! Огненно-рыжие волосы, большие зеленые глаза, бледно-коричневый загар, фигура, из-за которой нарушается уличное движение, – все это складывалось в эффект восхитительного чувственного взрыва.

По первому впечатлению Берту можно принять за сексапильную глупенькую красотку. Она способна напустить на себя такой вид, что доверчивые простакки верят, будто она искренне заинтересована ими: с участием выслушивает, как они похваляются успешными крупными сделками, удалью и мастерством в гольфе или рыбалке и прочим. Но меня ей не провести, я с этой девушкой уже достаточно долго, чтобы знать: Берту Кингсли интересуют только деньги да она сама.

Несмотря на этот недостаток, Берта жизнерадостна, изобретательна и потрясающе чувственна в постели. Если уж на кого тратиться, то лучше на нее, чем на любую другую из известных мне девчонок. Берта стоит любых денег.

– И нечего на меня так смотреть, – сказала Берта. – Можно подумать, ты собрался затащить меня под стол и изнасиловать.

– А это мысль! – воскликнул я. – Покажем этим занудам, на что мы с тобой способны в ограниченном пространстве.

– Да тише ты... Я есть хочу! – Берта пожирала глазами меню, как беженка из лагеря для интернированных. – Мм, королевские кровати! Само собой! И еще что-нибудь... посытнее. – Она призывно улыбнулась метрдотелю Луиджи, подошедшему к нашему столику. – Луиджи, что бы вы порекомендовали умирающей от голода женщине?

– Не слушайте ее, – твердо сказал я. – Мы будем кровати и стойки.

Луиджи холодно глянул на меня, затем, с улыбкой, – на Берту:

– Мисс Кингсли, я как раз собирался порекомендовать вам нашего цыпленка на вертеле, шпигованного мясом лобстера под сметанным соусом с трюфелями.

– Да! – практически крикнула Берта.

Не обращая на меня внимания, Луиджи черкнул в своем блокнотике, еще раз улыбнулся Берте и удалился.

– У меня ровно пятьдесят баксов, – соврал я. – Если не уложимся, а так оно и будет, придется занять у тебя, крошка.

– Никогда не бери в долг у женщин, – сказала Берта. – Это неблагородно. Помаша своей кредитной карточкой. Для чего еще кредитки?

– Моя кредитка исключительно для деловых встреч.

– А что, у нас разве не деловая?

Принесли кровати.

Пока мы ели, я спросил:

– Тебе что-нибудь говорит имя Уолдо Кармайкл?

– Значит, все-таки деловая, – улыбнулась Берта.

– Может, и так. Ответь мне, милая. Слышала о таком?

Берта покачала головой:

– Первый раз слышу. Уолдо Кармайлк?

– Продолжим игру в имена. Расс Хэмел?

– Шутишь? Расс Хэмел! Обожаю его книжки! – Она удивленно взглянула на меня. – А ты сейчас работаешь на него?

– Не утруждай себя расспросами. Просто отвечай и ешь на здоровье за мой счет. Что еще ты знаешь о Хэмеле, кроме того, что он пишет книжки, которые ты обожаешь?

– Ну... немного. Женился недавно. Живет на Парадиз-Ларго. А теперь ответь ты. К чему эти вопросы?

– Да ты ешь, ешь... – Впрочем, креветок на ее тарелке уже не осталось. – Что-нибудь знаешь о его жене?

Берта продолжала задумчиво глядеть на меня, а я знал, что это дурной знак.

– Его жене? Видела ее пару раз. Слишком молоденькая для Хэмела. Мне такие не нравятся. – Берта лукаво улыбнулась. – Вот если б ты спросил меня о его первой жене... – Она не договорила.

– Ладно, спрашиваю.

– Глория Корт. – Берта фыркнула. – Это девичья фамилия. Она взяла ее, когда Хэмел дал ей отставку за то, что спала с кем попало. Я сказала – девичья? Ха, девицей эта шлюшка оставалась от силы лет до шести.

– Да фиг с ним, с ее прошлым, – сказал я. – Давай дальше.

– Она живет с мексиканцем, который называет себя Альфонсо Диас. Он владелец бара «Аламеда» в порту – заведения, так сказать, не для состоятельных.

Знал я тот бар. Там тусовалась шантрапа портового района. Ни в одном прибрежном баре города по субботам не вспыхивало столько драк, сколько в «Аламеде».

– Так вот, Глория там играет на гитаре. Топлес. – Берта брезгливо сморщила носик. – Представляешь? Бывшая жена Расса Хэмела! Мечты рушатся, как домино. Сегодня ты королева, а завтра никто и звать тебя никак. И поверь: уж лучше я буду спать с козлом, чем с Альфонсо Диасом!

С торжественной суетой подали цыпленка. Он оказался настолько хорош, что я даже перестал беспокоиться по поводу того, во сколько мне станет ужин. Когда мы покончили с цыпленком и выпили кофе, мысли мои перетекли к предстоящей ночи.

Берта тотчас уловила мое настроение.

– Пойдем, озабоченный, – сказала она, похлопав меня по руке. – Я тоже уже не прочь.

Я попросил счет, чертыхнулся про себя, когда увидел сумму, и расстался с обеими банкнотами. После того, как я расплатился и дал на чай официанту, метрдотелю и швейцару, подогнавшему ко входу моего «мазера», у меня осталось тридцать долларов на жизнь до конца недели.

По пути ко мне Берта сказала:

– Я вот все думаю о тебе, Барт... не пора ли сменить работу? Если хочешь, чтобы мы оставались вместе, тебе надо найти место, где платят больше, чем частному сыщику.

– Ты не оригинальна, – отозвался я. – Эта мысль крутится у меня в голове с начала года, но я не умею ничего, за что мог бы получать больше, чем сыщик.

– Так подумай еще. С твоим-то опытом расследования преступлений обязательно должно что-то отыскаться. Я на прошлой неделе встретила одного парня, так тот просто купается в «зелени». Охмуряет пожилых дам. Они осыпают его деньгами лишь за то, что он им улыбается.

– Не надо бы тебе встречаться с такими, – сказал я. – Терпеть не могу альфонсов.

– Как насчет контрабанды? Знаю одного типа – возит сигары с Кубы. У него денег куры не клюют.

– Ты никак хочешь упечь меня за решетку?

Она пожала плечами:

– Ладно, проехали. Но я-то знаю, что сделала бы на твоём месте.

Я зарулил в подземный гараж моей высотки.

– И что бы ты сделала на моём месте? – поинтересовался я, выключая двигатель и фары.

– Присмотрелась бы хорошенько к толстосумам, на которых пашу, и подбросила им приманку, – сказала Берта, выбираясь из машины.

– То есть – «на которых пашу»?

– Ну да, вроде Расса Хэмела, на которого ты работаешь.

Я догнал ее, и вместе мы направились к лифту.

– А разве я говорил тебе, что работаю на Хэмела?

– Перестань, Барт. Не говорил, но это же и так ясно. Ладно, проехали. А мозгами все же пошевели. Очень немногим выпадает такой шанс – работать на толстосумов. И поверь мне, эти немногие шансов своих не упускают, не то что ты. Из здешних богачей можно выжимать большие деньги. Надо только подумать как... Знаешь, пошли скорей, а то мне расхочется.

Войдя за Бертой в лифт, я задумался о ее словах. Я все еще размышлял об этом, когда мы забрались в кровать. Однако стоило ей оплести меня руками и ногами, как в голове моей не осталось никаких мыслей.

Всему свое время и место.

Глава вторая

Юго-восточнее Парадиз-Сити, милях в тридцати от побережья Мексиканского залива, до самого Ки-Уэста тянется цепочка мелких островов.

Я сидел в вертолете рядом с Ником Харди. С высоты островки казались нежно-зелеными пузырьками на синем сверкающем море. Яхту Хэмела Ник отследил без труда. Мы уже кружили над гаванью, когда яхта отошла от причала и взяла курс в открытое море.

В небе мы были не одни: богатые туристы обзоредали окрестности с вертолетов, и я не опасался, что Нэнси или Джош Джонс заподозрят слежку.

В мощный бинокль Ника я разглядел Нэнси на открытом мостике. Джош, по-видимому, находился в рулевой рубке – на палубе его не было.

– Они идут к островам Кис, – сказал я. – Возвращайся к гавани и покружи там. Нельзя терять их из виду, но я не хочу, чтобы они нас засекли.

Ник, здоровяк с добродушной красной физиономией, повиновался.

– Это ж миссис Хэмел там, на яхте! – удивился он. – Зачем она тебе, Барт?

– С каких это пор ты стал таким любопытным? Если интересно – спроси у полковника.

Он усмехнулся:

– Понял. Уже не интересно.

Тем временем яхта приближалась к островам Кис. Замедлив ход, она повернула и пошла вдоль берега, пока не достигла Матекамб-Ки, а от него взяла курс на группу крохотных островков в пяти милях восточнее.

– Что это за острова? – спросил я.

– Когда-то они были оплотом пиратов, – поведал мне Ник. Он прекрасно знал историю Флориды. – Пираты укрывались здесь и нападали на проходящие мимо суда. Полагают, что здесь находилась штаб-квартира их главаря по прозвищу Черная Борода¹. Сейчас эти островки необитаемы.

Яхта сбавила ход, медленно вошла в широкий, полускрытый густыми зарослями проход между двумя островками и в итоге пропала из виду под покровом свисавшего с ветвей деревьев испанского мха и дикого винограда.

Я решил, что кружить здесь в ожидании, когда яхта появится снова, слишком рискованно: Нэнси, или Джош, или оба сразу могут догадаться, что мы проявляем интерес именно к ним.

– Все, Ник, давай на базу, – сказал я. – И учти: если не хочешь, чтобы полковник свернул тебе шею, держи язык за зубами.

Он удивленно посмотрел на меня, затем пожал плечами.

– Желание клиента превыше всего, – проговорил он и направил машину к материку. – Как бы там ни было, Барт, она славная девушка.

– А ты откуда знаешь? Знаком с ней?

– Ну да. И с мистером Хэмелом. Месяц назад я возил их в Дейтона-Бич, а потом забирал домой. Хэмел мне не понравился. Прыщ надутый. А Нэнси просто очаровашка. Зачем только вышла за него такая молодая...

– Как тебе показалось, они ладят между собой?

– Да я не понял. Он уселся сзади и за все время слова не проронил. Нэнси сидела, где ты сейчас, и чирикала без умолку.

– О чем?

¹ Эдвард Тич по прозвищу Черная Борода (1680–1718) – английский пират, действовавший в бассейне Карибского моря в 1713–1718 гг. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Да все о вертолете выспрашивала – она летела первый раз. И знаешь, не сказать, чтоб вопросы задавала глупые. Похоже, соображает.

Нэнси, значит, славная и неглупая. Однако, бывает, и славные девушки спят с кем попало. Разговор мы продолжали после приземления, и уже когда шли к моей машине, я напомнил Нику:

– В общем, помалкивай, Ник.

– О чем речь.

Мы пожали друг другу руки, и я поехал в агентство. Гленда сообщила, что полковник занят, и поинтересовалась моими успехами. Я уж было собрался поведать ей, что Нэнси отправилась на пиратский остров, но вдруг в моей голове словно прозвучал голос Берты: «Из здешних богачей можно выжимать большие деньги. Надо только подумать как».

И я соврал:

– Я следил за Нэнси с вертолета. Она весь день ловила рыбку с яхты. Зря только время потратил.

Гленда кивнула.

– Может, Хэмел просто истерит, – продолжил я. – С кем не бывает...

– Хорошо, я передам полковнику.

Я вернулся в свой кабинет. Чика не было. Достав из ящика стола бутылку скотча, я налил себе и закурил сигарету.

«Надо хорошенько подумать...»

И я принялся думать. Мне пришло в голову обследовать островки в одиночку. Может, Нэнси ездила туда загорать голенькой и вправду рыбачить, а может, именно там они встречаются с Уолдо Кармайклом и занимаются любовью: острова на отшибе, кругом ни души – все условия. Раз полковник поручил мне следить за ней, я обязан доложить ему о том, что у меня есть причины считать поведение Нэнси подозрительным. А если полковнику... не докладывать? Как в таком случае использовать свою осведомленность о визите Нэнси на пиратский остров?

Я освежил напиток и еще поработал мозгами, затем подтянул поближе телефон и набрал номер Тони Ламберта. Тони давал напрокат лодки для рыбалки. Я частенько обращался к нему в свои выходные, когда Берте хотелось подышать морским воздухом. Мы с ним договорились, что я возьму лодку с подвесным мотором завтра в пять утра.

– Надолго берете, мистер Андерсон?

– До полудня.

– Если за наличные, то могу сделать вам скидку. Двадцать долларов, а если в кредит – тридцать.

– Тогда наличные.

– Хорошо, лодка будет готова к сроку, забирайте.

Я повесил трубку, и тут вошел Чик.

– Ну как полетал? – спросил он, усаживаясь за свой стол.

– Никак. Она ловила рыбу.

– Вот же черт!

– Да, зато классно развлекся. А что у тебя?

– А у меня ноги отваливаются. И готов держать пари, что никакого Уолдо Кармайкла в природе не существует. Даже копы о таком не слыхали. Я проверил все отели и мотели. И больницы. Уолдо Кармайкла нет нигде.

Я поднялся из-за стола:

– Пошли расскажем шефу.

Пришлось подождать десять минут, пока полковник освободится, а затем я доложил ему, что на настоящий момент ничего нового мы не нашли.

– Все указывает на то, что Хэмела «достает» какой-то псих, – подытожил я. – Исходя из полученной информации, жена его симпатична, мила и неглупа. Никто из тех, с кем я говорил, слова дурного о ней не сказал.

– А человека по имени Уолдо Кармайкл в нашем округе нет, – добавил Чик.

В задумчивости Парнелл потянул себя за нос.

– Нам нельзя останавливаться на этом, – изрек он наконец. – Отказываться от задания слишком рано: вы же ведете ее всего два дня. Продолжай до конца недели, Барт. – Он повернулся к Чику. – Двоим вам тут делать нечего. Для тебя есть другое задание. – Затем обратился ко мне: – Продолжай наблюдать за миссис Хэмел. Если отправится в море на яхте – пусть идет, но на суше глаз с нее не спускать. Ну а если к концу недели ничего не обнаружишь, я переговорю с Палмером, пусть решает. – Полковник махнул рукой в сторону двери, давая понять, что я могу идти; Чику указал на кресло.

Я вернулся в свой кабинет. Чику дают другое задание, и теперь у меня полная свобода действий. До островов доберусь за пару часов. В агентстве никто не будет знать, слежу я за Нэнси или нет. Все утро можно обследовать острова и, если ничего не сыщется, с полудня приступить к слежке за Нэнси.

И тут я вспомнил, что до полочки еще девять дней, а в бумажнике моем меньше тридцати долларов. Только за прокат лодки надо заплатить двадцать! В смятении я резко выпрямился на стуле.

Мой кредит в банке превышен. Я вновь откинулся на спинку стула: перспектива рисовалась весьма мрачная. Если в ближайшее время не сыщется добрая душа, способная дать мне займы кругленькую сумму, придется сидеть без воды и питья. Никогда я не попадал в такой переплет. Черт меня дернул вести Берту на ужин в «Чайку»! Но затем я напомнил себе: ужин-то был превосходным. Ни о чем не стоит жалеть – выход найдется. Я начал перебирать в памяти своих друзей-приятелей, в прошлом меня выручавших, и, припомнив всех поименно, вынужден был признать: надежд никаких. Все мои так называемые друзья, едва завидев меня, теперь переходят на другую сторону улицы.

Как насчет Берты?

Я взбодрился. А это мысль! Если осторожненько к ней подкатиться, может и выгореть. Я никогда не просил у нее займы, но все когда-то бывает впервые.

На моих часах было 17:40. Из своего дома мод Берта обычно уходит часов в шесть. Если поспешу – успею застать. Я поспешил.

Зарулив на парковку, где Берта обычно оставляет свою «хонду», я увидел, что ее машина на месте. Я закурил и стал ждать. Десять минут спустя Берта вышла из здания торопливым шагом.

– Привет, малышка. – Я поймал ее за руку. – Удивил?

Она с подозрением воззрилась на меня. Я заметил, что настроение у нее, в отличие от обычного, так себе.

– Почему не на работе? – спросила она.

– Что-то ты не рада своему бойфренду. Тебе кто-нибудь говорил, что сегодня ты выглядишь еще прекрасней, чем вчера вечером?

– Не гони, – отрезала она. – Что ты здесь забыл?

– Да вот, захотелось на тебя полюбоваться. Пойдем ко мне в машину. Есть разговор.

– Была охота сидеть у тебя в машине! Лучше отвези меня куда-нибудь выпить.

Зная, что Берта пьет только коктейли с шампанским, я крепче сжал ее руку и направил к «мазерати».

– Дело есть, солнышко. Я подумал над тем, что ты сказала вчера вечером.

– Мне надо выпить... А что я вчера вечером такого сказала?

Я распахнул дверь «мазера» и, буквально затолкав Берту в салон, обежал машину и уселся за руль.

– Вчера ты выдала потрясающе глубокую мысль, – сказал я. – На-ка, закури.

Нехотя Берта взяла сигарету, я дал ей прикурить, после чего закурил сам.

– Ну не помню я, что говорила. Что за дело-то?

– Ты сказала, цитирую: «Присмотрелась бы хорошенько к толстосумам, на которых пашу, и подбросила им приманку». Вспомнила?

Надутый вид Берты разом испарился, она сощурила глаза:

– Ну да, говорила. И что?

– А то, что я призадумался. И чем дольше думал, тем интересней казалась твоя идея. Суть в том, что я могу отхватить солидный куш и, если дело выгорит, свою подружку уж точно не забуду.

– Я тебя услышала. Чувствую, здесь какой-то подвох, но... продолжай.

Я продолжил:

– Чтобы воплотить эту идею, нужна небольшая сумма денег. Как ты смотришь на то, чтобы стать моим напарником?

Она распахнула глаза:

– Ты просишь у меня денег?

– Ну, можно сказать и так. Да, прошу. Сугубо в долг, на десять дней под двадцать процентов. Плюс это дает тебе право на долю в деле.

– Каком еще деле...

– А вот это пока секрет, солнышко. – Я интригуяще улыбнулся. – Через десять дней все верну, слово даю. Я тебя не кину, ты же меня знаешь.

– Нет, не знаю! – Берта пристально смотрела на меня. – Собираешься попробовать бросить приманку Рассу Хэмелу?

– Если кто и упомянул Хэмела, то уж точно не я.

– Ты же на него работаешь. Вчера вечером выпрашивал о нем, а когда я поинтересовалась, не он ли тебя нанял, сразу начал юлить, и я поняла, что угадала.

Я вздохнул:

– Строго между нами, детка, так оно и есть. Хэмел думает, что жена ему изменяет, и нанял нас последить за ней. Только бога ради, никому ни слова.

– Эта нюня? – презрительно хмыкнула Берта. – Да он спятил! Она не из тех, кто заводит пашни на стороне. Такие только в теннис играют да рыбу удят.

– Да, но ведь ее могли, как говорится, сбить с пути истинного. Представь, что ее охмурил какой-нибудь молодой гаденыш. Муж весь день в работе, ей одиноко, а этот тип возит ее всюду, развлекает, зубы заговаривает, и в итоге между ними завязываются романтические отношения. Такое сплошь и рядом случается.

Берта пожала плечами:

– Возможно... И какова твоя роль?

– Я работаю над этим, солнышко. Не хватает лишь маленького капитала.

– Сколько?

Поначалу-то я планировал выпросить пятьдесят долларов, но, увидев, что Берта заинтересовалась, решил ни в чем себе не отказывать:

– Ну, скажем, триста и...

– Триста! – ахнула она. – А может, сначала покажешься доктору?

– Ладно, детка, проехали. Поищу кого-нибудь другого. Я же прошу в долг, а не в подарок. Знаю кучу парней и девчонок, готовых ссудить мне три сотни под двадцать процентов на десять дней.

– Не заливай. Кроме меня, никто не одолжит тебе и пятерки... Ладно, Барт. – Она раскрыла сумочку и достала кошелек. – Вот тебе сто пятьдесят на десять дней под двадцать процентов.

Я заглянул в ее кошелек: его просто распирало от «зелени».

– Ты что, банк ограбила?

Она сунула мне две банкноты и резко защелкнула кошелек:

– Если тебе и впрямь отвалится большой куш, я в доле, усек?

– Как только отвалится мне, тут же отвалится и тебе, – заверил я, убрал деньги в свой бумажник, вновь почувствовав себя богачом.

– Теперь точно пора выпить. Вези-ка меня в бар «Цезарь». Умираю от жажды.

Я помедлил. В «Цезаре» коктейль с шампанским стоил десять долларов. Однако замешательство мое длилось не более пары секунд. Черт возьми, я снова богат! На что же тогда деньги, если не тратить их?

Я завел двигатель, и мы покатали в «Цезарь».

К пиратским островам я подошел на лодке немногим позже половины седьмого утра. Героических усилий стоило мне заставить себя подняться в 4:30, но с помощью будильника и трех чашек крепкого кофе я в какой-то мере с собой справился.

Накануне вечером Берта торопилась еще на одно свидание и, выпив пару коктейлей с шампанским и задав мне несколько вопросов, на которые ответов не получила, куда-то унеслась. Я же вернулся к себе и занялся приготовлениями к утренней вылазке. Отыскал комплект армейской формы для джунглей – во Вьетнаме я практически не вылезал из него: камуфляжную куртку, заправляемые в ботинки брюки, легкие тропические башмаки плюс охотничий нож. Все это я сложил в вещмешок, добавив еще широкополую шляпу, средство от насекомых и термос, а в нем – ледяной скотч с водой.

По пути в порт я купил в круглосуточном кафе упаковку сэндвичей с говядиной. Лодка уже ждала меня у причала.

На подходе к островам я заглушил подвесной мотор и переоделся. Немного странно было вновь облачиться в военную форму, но, судя по плотным зарослям на островах, с выбором одежды я попал в точку. Помня о москитах, которым ничего не стоит сожрать человека заживо, я намазал лицо и руки репеллентом, запустил мотор и направил лодку в широкую протоку, где вчера скрылась яхта Нэнси.

Под зеленым куполом лиан и прядей испанского мха лодка шла на малом ходу, едва слышно шелестел на малых оборотах мотор, и мне чудилось, будто из ослепительного солнечного утра меня затягивает в горячую, душную, полутемную парную. Над головой зудели тучи москитов, но репеллент отпугивал их. Наконец впереди блеснул солнечный свет, и вскоре лодка вошла в крошечную лагуну. Я заглушил мотор, и лодка неслышно скользнула к берегу. В заросли убегала хорошо утоптанная тропинка. На берегу торчал прочный кол, к которому, догадался я, привязывали швартовый канат. К нему я и привязал лодку. Закинув вещмешок на плечо и сжав в руке охотничий нож, я осторожно двинулся по тропинке, внимательно вглядываясь, не видно ли змей. Так я прошагал около четверти мили. То и дело в ветвях над головой разлетались при моем приближении белоклювые дятлы и голубые сойки. Жара стояла адская, и пот бежал с меня ручьями. Наконец я увидел, что впереди, где тропа резко сворачивает, заметно светлей, и догадался, что за поворотом поляна.

Все, чему меня научила война в джунглях, тотчас ожило в памяти. Я осторожно крался, остерегаясь пресмыкающихся и стараясь издавать как можно меньше звуков, пока не добрался до мощного ствола сухого дерева. Отсюда поляна передо мной была как на ладони.

В тени деревьев стояла зеленая брезентовая палатка. Точно в таких я жил, когда воевал во Вьетнаме: достаточно просторная, чтобы свободно разместить четверых. Вход был зашнурован. Сбоку от палатки я заметил портативный барбекю и два складных брезентовых стула.

Трава на поляне была вытоптана.

Увиденное озадачило меня: неужели это и есть любовное гнездышко? В то, что Нэнси встречается с любовником здесь, верилось с трудом. И в палатке наверняка жарко, как в печи.

Я не двинулся и гадал, есть ли кто сейчас в палатке. Вход зашнурован – значит, скорее всего, нет. Оглядевшись вокруг, я выбрал пышный цветущий куст в нескольких ярдах от тропы, бесшумно прокрался и опустился за ним на корточки. Отсюда отлично просматривалась палатка, меня же видно не было.

Вокруг меня надсадно жужжали москиты. Тишину джунглей нарушали только птичья возня и щебет. Я вытер пот с лица, открыл вещмешок и хлебнул из термоса. Хотелось курить, но я опасался обнаружить себя. Оставалось только ждать, и ожидание вышло долгим. Изнемогая от жары, я то и дело смотрел на часы. Наконец, когда стрелки приблизились к 8:45, я услышал звук, заставивший меня распластаться на земле. Кто-то насвистывал, приближаясь к палатке. Совсем близко зашуршали под ногами сухие листья и зашелестели лианы, отодвигаемые в сторону нетерпеливой рукой. Шедший сюда не сомневался, что он здесь один, и не соблюдал никаких предосторожностей.

Вглядевшись сквозь листья спрятавшего меня куста, я увидел, что из зарослей на дальнем конце поляны вышел мужчина. Среднего роста, широкоплечий и мускулистый, лет двадцати пяти – двадцати шести. Неопрятные длинные черные волосы. Косматая борода скрывает добрую половину лица. Одет в темно-зеленую рубашку с длинными рукавами и черные штаны, заправленные в мексиканские сапоги. В одной руке мужчина держал удочку, в другой нес двух приличных черных краппи², уже выпотрошенных и почищенных.

Пока он разжигал барбекю, я лежал неподвижно и гадал, что предпринять. Мог ли этот опасного вида хиппи быть Уолдо Кармайклом? Вряд ли, но исключать все же нельзя. Наблюдая за его ловкими, уверенными действиями, за тем, как бугрятся мускулы под его намокшей от пота рубашкой, я подумал, что такая девушка, как Нэнси, запросто могла влюбиться в него.

Когда рыба зашкварчала на решетке, он расшнуровал вход в палатку и забрался внутрь. Через несколько минут вернулся, держа в руках оловянную тарелку, нож с вилкой, и приступил к еде. Закончив, он начал закапывать мусор и объедки – в этот момент я решил действовать. Двигаясь бесшумно, я вновь метнулся на тропу и зашагал по ней к поляне, уже не таясь и подавая ногами сухие листья. Дойдя до поворота, где тропа выбегала на поляну, даже начал насвистывать. Я хотел дать ему знать о своем приближении. Интуиция подсказывала мне, что попытка застать его врасплох была бы ошибкой.

Когда я вышел на поляну, он уже стоял у палатки, держа в руках ружье 22-го калибра. Дуло было направлено на меня.

Я замер на месте и дружески улыбнулся ему:

– О, привет! Прошу прощения, если напугал вас. Думал, я здесь на острове один...

Он опустил ствол ружья, но так, что тот теперь был направлен на мои ноги. Однако я видел, что парень все еще напряжен и встревожен.

– Кто вы? – Голос его был низким, с хрипотцой. Похоже, я крепко напугал его.

– Барт Андерсон. Ничего, если я подойду? Вот только... ружье ваше выглядит страшновато. – Я снова улыбнулся. – Вдруг пальнет...

Незнакомец не спускал с меня глаз, ловя каждое мое движение, словно загнанный в угол кот:

– Стойте, где стоите! Что вы здесь делаете?

² Черный краппи – небольшая пресноводная рыба, широко распространенная на территории США.

– Ищу пещеру Черной Бороды, – ответил я. – Не в курсе, где она?

– Никакой пещеры на острове нет. Проваливайте отсюда!

– Вы серьезно? А мне парень в баре «Нептун» сказал, что она именно здесь.

– Я сказал, проваливайте!

– А вы здесь типа отшельник, да? – продолжая улыбаться, я сделал шаг вперед.

Ствол ружья поднялся.

– Пошел отсюда! Больше повторять не буду! – В его голосе я услышал нешуточную угрозу.

– Да ладно вам. Не надо так. Не хотите же вы...

Грохнул выстрел. Пуля взметнула листья у самых моих ног. Ружье было одноствольным, и я не стал медлить. Пока он нащупывал в кармане второй патрон, я прыгнул на него.

Реакция у него была змеиная. Если б не мой военный опыт, он свалил бы меня ударом в пах. Его нога мощно врезалась мне в бедро, и я едва не потерял равновесие. В следующую секунду приклад ружья чудом разминулся с моим лицом. Когда он замахнулся вновь, я чуть отклонился и со всей силы коротко ударил его прямо в живот. Воздух со свистом вылетел из парня, как из проколотой шины, и он упал на колени. Пока он силился наполнить воздухом опустевшие легкие, я нанес ему резкий удар по загривку. Он рухнул ничком.

Я подбежал к палатке и заглянул внутрь. Две отдельные кровати, брезентовый кемпинг-умывальник на разборной подставке, складной стол. На одной половине стола лежали предметы женского туалета: щетка для волос, гребенка, зубная щетка, духи-спрей и пудреница; на другой – по-видимому, принадлежащее парню: зубная щетка, кружка, сигареты и дешевая зажигалка.

Я оглянулся на него. Он уже подавал признаки жизни – шевелился. Я подошел, поднял ружье и присел неподалеку на корточки.

Сознание возвращалось к парню постепенно; наконец он с трудом встал на колени, затем тяжело поднялся. Потирая шею сзади, он злобно глядел на меня.

– Давай не будем ссориться, – сказал я и встал, не выпуская его из поля зрения: в его сизых глазах я видел опасный блеск.

– Что вы здесь делаете? – резко спросил он. – И хорош пороть чушь про пещеру Черной Бороды. Что вам надо?

– Ну, скажем, я ищу уединения и покоя... как и вы. – Я улыбнулся. – Эти острова словно созданы для того, чтобы отсидеться здесь, переждать...

Он сощурил глаза.

– Вы – что... дезертир?

– Будем считать, я искатель. Ищу уединения и покоя, – ответил я. – Если мы с вами на одной волне, может, я вам и доверюсь. Что скажете?

Он помялся, затем пожал плечами.

– Полгода назад я удрал из армии. Достало все...

Я не поверил ни слову. Парень абсолютно не был похож на военного. Отслужив три года в военной полиции, я с первого взгляда распознаю бывшего служаку.

– Что ж, вы неплохо устроились здесь. Палатка классная... Надолго?

– На сколько захочу. А вам здесь не место. Поищите себе другой остров.

У меня из головы не шли женские вещи в палатке. Интересно, он на острове с женщиной или же это вещи Нэнси?

– Так и быть, – сказал я. – Рад бы составить вам компанию, но раз вы против... – Я пожал плечами. – Поищу себе уединения и покоя где-нибудь в другом месте. Удачи, солдат. – Я вернулся к кусту, за которым прятался, и поднял с земли вещмешок.

– А как вы попали на остров? – спросил он.

– Так же, как и вы. – Я помахал ему рукой и зашагал по тропе к своей лодке.

Прошло не более трех-четырёх минут, как я услышал, что парень крадется за мной следом. Опыта преследования в джунглях ему явно не доставало, тем не менее он почти не шумел. Не будь я начеку, не засек бы его. Однако останавливаться я не стал до самой лодки. Я знал, что парень в нескольких шагах позади, но он не показывался. По-видимому, просто хотел убедиться, что я уеду.

Я забрался в лодку, отвязал конец, завел подвесной мотор и лег на обратный курс по длинному сумрачному проходу к морю. Я был уверен, что он будет следить за мной, пока не потеряет из виду, поэтому шел четко в сторону материка, но затем, когда острова скрылись за горизонтом, повернул к острову Матекамб-Ки. Я пришвартовался в маленькой гавани, прогулялся по причалу до бара для рыбаков.

Темнокожий бармен внимательно оглядел меня с выражением удивления в черных глазах, а затем губы его растянулись в дружеской улыбке.

– Глазам не верю: я будто снова в армии, командир, – проговорил он. – Камуфляж для джунглей навевает воспоминания!

Бар пустовал – только я да бармен. Я забрался на стул за стойкой.

– Пива.

Он открыл бутылку и налил. Пить хотелось страшно – такая жажда свалила бы верблюда. Я залпом осушил стакан, толкнул его к бармену и закурил.

– Изучаю пиратские острова, – пояснил я. – Так что костюмчик как раз для ваших джунглей.

– Это точно! – Он вновь наполнил мой стакан. – Только ничего там интересного нет. Одни птицы. Прежде там жили индейцы. Давно, я тогда еще не родился. А нынче – ни души.

– Угостись пивком.

– Рановато для меня, командир, но – спасибо.

Я бросил взгляд на свои часы: начало двенадцатого.

– А снасти для рыбалки здесь можно взять напрокат? – спросил я. – В отпуске хотелось бы позагорать малость...

– Можете порыбачить моими. Я видел, как вы заходили в бухту. Если не ошибаюсь, на посудине Тони?

– Не ошибаетесь. Нанял ее на денек. Так как насчет удочки?

– Сейчас принесу. – Бармен скрылся за грязной занавеской; было слышно, как он там возится. Немного погодя он вернулся с хорошей компактной удочкой и банкой наживки в руках.

Я положил на стойку последнюю банкноту в пятьдесят долларов.

– На случай, если вдруг выпадет за борт, – сказал я, забирая удочку и наживку. – Раньше пяти вряд ли вернусь. Ничего?

Он подвинул мне банкноту:

– Мы же с вами ветераны, командир. Мне от вас залога не надо.

Я с радостью забрал деньги, поблагодарил бармена и вернулся к лодке. Выйдя в открытое море, я заглушил мотор, переоделся в цивильные слаксы и рубашку и, засунув униформу в вещмешок, вновь взял курс на острова. На значительном расстоянии я обошел протоку, ведущую к убежищу хиппи, и остановился у берега в четверти мили от ее устья под нависающими ветвями. Распаковав сэндвичи, я принялся жевать и думать.

Этот парень никакой не дезертир. Почему он прячется на острове? Он здесь с женщиной? Или же вещи на столе принадлежат Нэнси? А еще, подумал я, такая палатка стоит немало. Не похож хиппи на парня со средствами. Может, его финансирует Нэнси?

Чтобы скоротать время, я взялся ловить рыбу, но мыслями по-прежнему был далек от рыбалки, хотя так ничего и не придумал: не хватало информации и фактов.

Тем не менее ситуация интриговала.

Часа в три послышался отдаленный гул мотора. Я положил удочку в лодку, ухватился за нависающие ветки и затянул лодку под них. Через несколько минут я увидел яхту Хэмела – она быстро приближалась. На подходе к устью протоки яхта сбросила ход и скрылась в зарослях.

Что же предпринять? Вдруг Нэнси оставит Джоша Джонса на яхте – сторожить? Если он меня обнаружит – все пропало. И я решил ждать. Невыносимо медленно истаял час. Я сидел в лодке, бил москитов и изнывал от духоты и зноя. Наконец я услышал, как запустили двигатель яхты, а через несколько мгновений она показалась на выходе из русла и устремилась к материку.

Я решил еще раз пообщаться с хиппи. Сказать, мол, у меня закончился бензин, и попросить продать немного. Разумеется, я ничем не выдам, будто в курсе, что у него нет лодки и Нэнси его единственная связь с большой землей. Любовник он ей или нет, но я был готов поспорить, что именно она привезла его на остров и она же, по-видимому, купила палатку и все остальное.

Я завел мотор и направился в протоку. Привязав лодку к колу, я быстро и не таясь зашагал по петляющей тропе. Дойдя до резкого поворота, после которого тропа выбегала на поляну, я замер как вкопанный. Поляна опустела и выглядела заброшенной. Исчезли палатка, складные стулья, барбекю. Моя «птичка» – волосатый хиппи – упорхнула не без помощи Нэнси и Джоша Джонса. Наверняка, едва они приехали, парень рассказал о моем визите, и решение свернуть лагерь и удрать было делом нескольких минут.

По крайней мере, я понял одно: этот хиппи во что-то крепко влип. Рисковать он не мог и опасался, что я могу рассказать, где он прячется.

Я подошел к прямоугольнику примятой травы на месте, где была разбита палатка. В поспешном бегстве парень мог что-нибудь оставить. После недолгих поисков я нашел дешевую никелированную зажигалку, которую видел у него на столе. Я опустился на колени и разглядывал находку, не касаясь ее: вдруг повезет и на ровной никелированной поверхности сохранился отпечаток пальца. Затем я достал носовой платок, накрыл им зажигалку, поднял ее и, аккуратно свернув платок, положил в карман. Я поискал еще немного, но больше ничего не нашел и поспешил к лодке.

Была уже половина пятого. Придется еще зарулить на Матекамб-Ки и вернуть снасти. Значит, в агентство попаду не раньше семи вечера, но еще успею застать Гарри Мэдоуза, главу нашей лаборатории.

Я завел мотор и направился к острову Матекамб-Ки.

Когда я пришел в агентство, Гленда уже собралась уходить.

– Полковник на месте? – спросил я.

– Вы с ним разминулись на пять минут. – Она холодно взглянула на меня. – Что-то новое?

– Нового ничего. Полдня ходил за ней по пятам, – соврал я. – Вела себя, как нормальная жена: ходила по магазинам, глазела на витрины, пила чай и болтала с подругами, потом вернулась домой. Бог мой, как же я ненавижу слежку за женами!

– Это часть твоей работы, – отрезала Гленда и ушла.

Лаборатория располагалась в самом конце коридора. Гарри Мэдоуз сидел на табурете, уткнувшись в окуляры микроскопа. Гарри – высокий, сухой, лет под семьдесят, прежде руководил лабораторией полиции Парадиз-Сити. Когда подошло время Гарри уходить на пенсию, Парнелл предложил ему возглавить маленькую, но прекрасно оборудованную лабораторию агентства. Мэдоуз, который представить не мог, как жить без работы, едва не прыгал от радости.

– Привет, Гарри. – Я вошел и плотно прикрыл за собой дверь. – Все в трудах?

Гарри поднял на меня глаза и кивнул.

– Да скорее развлекаюсь, – ответил он. – Время коротаю. Все ж лучше, чем торчать дома перед телевизором. Чем могу?

Я достал зажигалку, все еще завернутую в платок.

– Будь добр, Гарри, взгляни, нет ли на ней пальчиков. А если есть – сними их, хорошо? Попробую их пробить.

– К утру сделаю, Барт. Задумал отправить отпечатки в Вашингтон?

– Разумеется. Хочу, чтоб все сделали, как полагается. – Уже направляясь к двери, я спросил: – Удалось что-нибудь прояснить с теми анонимками, что передал тебе Чик?

– Напечатаны на машинке IBM-82С с шаровой головкой, шрифт «Делегат». На письмах я нашел смазанные отпечатки, но с бумагой обращались грамотно и идентифицировать их не удастся. А вот сама бумага интересная. У меня имеются образцы всех типов почтовой бумаги, которую продают в нашем городе. Эта же весьма специфична. Полагаю, итальянская. Но это лишь предположение.

Предположения Гарри почти всегда безошибочны, поэтому я сделал в памяти заметочку на будущее.

– А где письма?

– Отдал Гленде вместе с отчетом.

– Ладно, Гарри. Дай мне знать, если найдешь на зажигалке пальчики. До скорого!

Я вернулся к себе. Чик уже ушел. Я уселся за стол подумать.

Куда Нэнси девала моего хиппи? Вряд ли повезла в порт, где полно глаз. Если кто увидит парня покидающим борт яхты, полетят слухи. На ее месте я бы пока оставил его в каюте и часа в три ночи, когда порт опустеет, без особого риска вывел на берег.

Я решил провести ночь у причала. Времени оставалось достаточно. Из ящика стола я достал свой полицейский револьвер 38-го калибра, зарядил его и убрал в кобуру. Потом вышел из кабинета и зашагал к лифту в гараж.

Через три часа стемнеет. Мелькнула мысль – свободна ли сейчас Берта? Но звонить ей все же не стал. Наверняка начнет разводить меня на дорогой ужин. Денег осталось мало, и их необходимо сберечь, напомнил я себе.

Я доехал до набережной, запарковал машину и неторопливо побрел мимо рыбных рядов и лотков торговцев фруктами в сторону яхтенной гавани.

Эла Барни я заметил издали – он торчал на своем любимом кнехте с банкой пива в руке. Смешавшись с туристами и рыбаками, я миновал его незамеченным.

Тут мне пришла в голову мысль заглянуть в бар «Аламеда». Может, удастся взглянуть на Глорию Корт, бывшую жену Хэмела, и ее дружка Альфонсо Диаса. А заодно и поужинать.

На подходе к полукруглой гавани я замедлил шаги. У причалов отдыхали порядка шести сотен шикарных посудин. Яхта Хэмела стояла между парусной яхтой и моторной. Трап-сходня был убран, на палубе на брезентовом стуле сидел Джош Джонс и строгал дощечку устрашающего вида ножом с выкидным лезвием. Своим огромным телом он преграждал проход к трапу, ведущему в подпалубные помещения.

Я лишь осторожно мазнул по нему взглядом и прошел мимо.

Джонс, похоже, находился на посту, а значит, я не ошибся в предположении, что моего хиппи прячут на яхте. Я был твердо уверен, что никто ничего не предпримет до полуночи, когда гавань обезлюдует, и, чуть ускорив шаг, направился в самый конец причала – в «Аламеда».

Был вечер среды, и большинство баров почти пустовали. Они оживали в конце недели, когда рыбаки и портовые рабочие приходили сюда просадить заработанные денежки.

По дороге к бару мне попался газетный киоск, торговавший также книжками в мягких обложках. Сквозь толпу гуляющих я протиснулся поближе к нему. На прилавке я увидел среди прочих несколько книг Рассы Хэмела – все с аляповато-яркими эротическими облож-

ками. Одну из них, под названием «Любовь горька», я купил. Девушка на обложке была мечтательно-меланхолична, а от ее груди невозможно было оторвать глаз.

Я продолжил прогулку по набережной и наконец добрался до «Аламеды». Вход в бар был завешен москитной сеткой. Я отвел ее в сторону и вошел в большое помещение: слева подковой выгибалась барная стойка, на небольшом возвышении-сцене чернокожий пианист мягко наигрывал на рояле печальную джазовую мелодию, вокруг разместились несколько накрытых столиков.

У бара собралось больше дюжины завсегдатаев. Три официанта-мексиканца в черном, с длинными белыми фартуками торчали неподалеку, делая вид, что очень заняты. Бармен, тоже мексиканец – огромный, раскормленный, лысый, с длинными обвислыми усами, – внимательно глядел на меня с угодливой улыбочкой.

Мужчины у стойки бара казались бывальыми рыбаками. Ни один из них и глазом не повел в мою сторону. Я прошел к одному из дальних столиков и сел, положив на стол книгу Хэмела. Один из официантов, молодой и смуглый, подошел и поднял вопросительно брови.

– Что у вас есть? – спросил я.

– Наше фирменное блюдо, синьор. Арроз кон полло. Очень вкусно.

– Переведи.

– Цыпленок, рис, красный перец, головки спаржи. Только у нас!

– Давайте. И скотч со льдом.

Я перехватил его взгляд на обложку книги.

– Хороша цыпочка, а? – сказал я.

Он пристально посмотрел на меня и, не сказав ни слова, удалился. Устроившись поудобнее, я закурил сигарету и взял в руки книгу. Из краткой аннотации на задней обложке следовало, что этот захватывающий роман блестящего мастера американской литературы, который в скором времени ждет экранизация, уже разошелся тиражом более пяти миллионов экземпляров.

К столику подошел толстый бармен и поставил передо мной заказанное виски со льдом. Обнажив в приветливой улыбке желтые зубы, он вернулся за стойку.

Десять минут спустя мне принесли ужин. Я был голоден, и цыпленок выглядел аппетитно. Поставив передо мной блюдо, официант кивнул и присоединился к своим коллегам.

Пока я насыщался, в бар вошли трое туристов – две пожилые женщины с юнцом, увешанным фотокамерами, – и заняли столик далеко от меня.

Цыпленок оказался жестким, с перцем явно переборщили, но мне приходилось пробовать блюда и похуже. Когда я пытался препарировать куриную ножку, из-за занавески в дальнем конце помещения появилась женщина, неторопливо огляделась и направилась к моему столику. Первое, что бросилось мне в глаза, – ее густые крашенные волосы цвета морковного пюре. У нее были приятные черты лица, пышное тело, соблазнительные формы, подчеркнутые обтягивающими белыми тонкими брюками и зеленым лифом, который лишь поддерживал ее грудь, ничего не скрывая. Подойдя к моему столику, она остановилась и улыбнулась. Белые зубы слишком ровные, чтобы быть своими, подумалось мне.

– Ну как вам здесь, нравится? – поинтересовалась она.

Глория Корт, догадался я.

Изобразив свою самую чувственную улыбку, я ответил:

– С момента, как вы появились, – много больше.

Она рассмеялась:

– И не скучно одному?

Я заметил, что троица туристов неодобрительно глазеет на нас. Я отодвинул стул и поднялся из-за стола:

– Выпьете со мной?

Она подала знак официанту, и тот, словно спущенная со своры борзая, метнулся к нашему столику.

– Скотч, – сказала она и села. – Ты у нас впервые. У меня хорошая память на лица.

Я откровенно уставился на ее груди:

– Да и я бы тебя запомнил, если б видел раньше.

Она снова рассмеялась:

– Вижу, ты читаешь книжку моего бывшего.

Я изобразил удивление:

– Что-что? Эту книгу написал твой муж?

– Бывший. Разбежались в прошлом году.

– Да что ты говоришь? – Я отодвинул в сторону тарелку. – А скажи, каково быть замужем за королем бестселлеров?

Она скривилась:

– Не знаю, как другие писатели, но Расс был редкостным занудой. В его книгах один сплошной секс. Эту уже прочитал?

– Да я только что купил ее. Вообще-то, я не любитель такого чтива. Просто узнал, что он живет здесь, и решил попробовать...

– Небось думаешь, если парень круто пишет о сексе, значит он крут в постели, да? – Она подалась ко мне и склонила голову набок. – Как бы не так. Женщине от него столько же проку, сколько от вареной макаронины.

– Бывает, – проговорил я. – Женщине с таким... тоскливенько.

– И не говори!

Подошел официант и унес тарелки. Я заказал кофе.

– Он ведь женился снова, не так ли?

– Ну да. Что ж, пусть попытается. Видела я ее. Дурочка с переулочка. Из тех, наверное, которым это пофиг. – Она призывно улыбнулась. – Мне – нет.

Принесли кофе.

– Тебе здесь нравится? – спросил я. – Ты ведь здесь выступаешь, да?

– Только по субботам, когда народ есть. А так... все путем. – Она поднялась. – Увидимся. – И Глория с улыбкой направилась к трем туристам, которым как раз подавали фирменное блюдо. Она перекинулась с ними парой слов и затем вновь скрылась за занавеской.

Закурив, я неторопливо потягивал кофе. Кое-что узнать все же удалось. Расс Хэмел, возможно, импотент. Я мысленно представил себе Нэнси. Если Хэмел ее не удовлетворял, она запросто могла стать легкой добычей «крутого» хиппи.

Я начал читать книгу Хэмела. Повествование начиналось сценой соблазнения, которая меня даже слегка завела. Автор явно умел живо описать происходящее. Я успел одолеть пару глав, когда официант принес счет. Расплатившись, я оставил чаевые и вышел из бара в темноту причала. Предстояло убить еще пару часов. Героиня романа Хэмела меня не увлекла: на страницах книги она казалась слишком уж холодной, хотя в жизни я бы, наверное, не прочь был познакомиться с ней, так сказать, во плоти. Я бросил книжку в урну и побрел обратно по причалу в сторону яхты Хэмела.

Было недостаточно темно, чтобы я не смог заметить сидящего на своем посту Джоша Джонса. Я так же мельком глянул на него и проследовал дальше. Туристы уже разошлись по своим отелям, на набережной гуляли или стояли группками, болтая, одни рыбаки. Эл Барни так и сидел на своем кнехте, – видимо, не теряя надежды на дармовую выпивку. Я снова предпочел обойти его на расстоянии. Надо было найти место, с которого можно скрытно наблюдать за яхтой Хэмела. До полуночи два часа. Взошла большая луна, море засверкало, а берег с причалами погрузился в густую тень. Маленький кафе-бар закрывали на ночь: усталый официант опустил ставни, затем вошел внутрь, закрыв за собой дверь. У стены кафе под обтрепанным

навесом стояла деревянная скамья – на ней я и устроился. Отсюда хорошо просматривалась яхта Хэмела – до нее было ярдов сто, а Джош Джонс видеть меня наверняка не мог.

Я ждал. Едва ли не вся жизнь сыщика – одно сплошное ожидание, и ждать я умел хорошо. Одна за другой группки рыбаков распались: на рассвете снова в море, и они нехотя разбрелись по домам.

Ближе к 23:00 Эл Барни выбросил пустую банку из-под пива в воду и, тяжело поднявшись на ноги, потащился куда-то в темноту. Вот теперь набережная и причалы почти опустели. Несколько ночных сторожей, охранявших дорогие яхты, стояли кучкой и болтали. Прошагал мимо коп. Откуда-то вылезли на причал две тощие кошки. Одна из них подошла ко мне и принялась обнюхивать отвороты моих брюк. Я слегка поддал ей ногой, и она удрала.

Вновь мое внимание переключилось на яхту Хэмела. И очень вовремя: только сейчас я заметил, что Джош Джонс уже не сидел на своем стульчике.

Я поднялся на ноги и впился взглядом в яхту.

Прошло несколько минут, прежде чем на палубе смутно обрисовались силуэты, и я услышал, как выдвигают трап-сходни. Сразу вслед за этим на причале показались три фигуры. Беглецы чуть помедлили, взглядываясь в направлении ночных сторожей – те стояли к ним спиной, – и двинулись в противоположную сторону.

Я последовал за ними, стараясь держаться в тени. Когда они проходили под фонарем, я разглядел, что самый высокий из троицы – Джонс. Другой, судя по темной шевелюре, – мой хиппи. Третьей была женщина: тоненькая, голова повязана платком. По-видимому, та самая, что на острове делила палатку с моим хиппи.

Почти сразу они свернули с набережной в темный переулок.

Я неслышно следовал за троицей, перебегая от одного темного подъезда до другого. Неожиданно Джонс остановился и, поманив за собой спутников, скрылся под аркой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.